

Рассмотрены возникновение и развитие некоторых наиболее влиятельных философских идей двадцатого века, нашедших воплощение в теории и практике архитектуры. Показан глубокий поворот, произошедший в архитектурном мировоззрении в тридцатых – шестидесятых годах двадцатого века. Ключевые слова: архитектура; история; теория; философия; двадцатый век; смена парадигм. /

The article considers emergence and development of several most influential philosophical ideas of the 20th century, which were applied to the architectural theory and practice. It presents a drastic change in architectural thinking of the 1930-1960s. Keywords: architecture; history; theory; philosophy; XX century; paradigm shift.

Introduction

The calendar turns of centuries always stir up disputes and controversy. The last century of the second millennium AD was not an exception. Scientists unanimously affirmed that the new century would begin on the 1st of January 2001. In fact, the world wave of enthusiasm came a year before together with the worries about computers going crazy because of calculations at the turn of the millennium.

Usually the beginning of a new century does not coincide with the calendar date. Thus, the nineteenth century with its specific ideas, technologies and problems came either together with the French Revolution several years before or together with the Napoleonic wars several years later. The 20th century came to architecture not in 1901, but rather at the end of its first decade, together with the disappointment in Art Nouveau aesthetics and comprehension of the architect's social role. Although it was in 1901 when Frank Lloyd Wright's lecture "The Art and Craft of the Machine" was published (Wright, 1901). But that small manifesto of a young architect from provincial America did not produce much impression.

Архитектурософия

Приключения архитектурных концепций в двадцатом веке /

ТЕКСТ

Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

Введение

Календарные границы перехода из одного столетия в следующее всегда вызывают споры и разночтения. Последний век второго тысячелетия нашей эры не стал исключением. Ученые в один голос утверждали, что новый век начнется первого января две тысячи первого года, но нет. Всемирная волна энтузиазма нахлынула годом раньше, вперемежку с опасениями – не сойдут ли с ума компьютеры оттого, что счет веков переходит на третий десяток?

Наступление нового века в содержательном смысле обычно не совпадает с календарной датой. Так, девятнадцатый век с его особыми идеями, технологиями

и проблемами, наступил то ли на несколько лет раньше, с Французской революцией, то ли позже, с наполеоновскими войнами. Двадцатый век в архитектуре начался не в 1901 году, а скорее в конце первого своего десятилетия – с разочарованием в эстетике ар-нуво и с осознанием социальной роли зодчего. Правда, именно в этом, первом году нового века была опубликована лекция-манифест Фрэнка Ллойда Райта «Искусство и ремесло машины» [14]. Но этот небольшой текст молодого архитектора из захолустной Америки не произвел тогда особого впечатления.

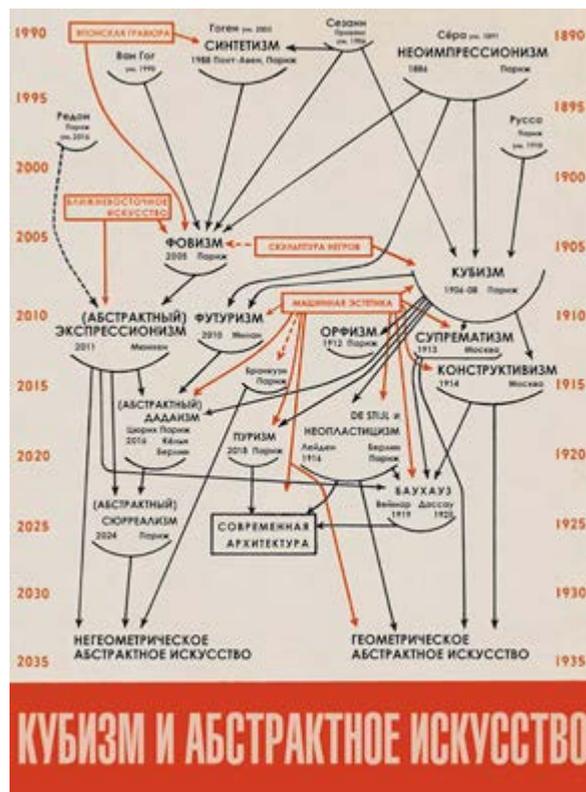
Дата смыслового окончания двадцатого века также размыта. Существует мнение, что мы все еще продолжаем жить во втором тысячелетии с его проблематикой и философией. Третье же тысячелетие нашей эры только намекает нам о своем приближении. С такой точки зрения основные события, сформировавшие сегодняшний день, произошли в середине двадцатого века. Именно тогда, в пятидесятых – семидесятых годах случился целый ряд кардинальных переворотов мировоззрения, затронувших большинство жителей планеты и, разумеется, повлиявших на теорию и практику архитектуры.

1. От концептуальности к адхоцизму

Одним из самых ярких и культовых персонажей, родившихся в литературе зарождающегося двадцатого века, стал, несомненно, Шерлок Холмс. Великий сыщик не только приобрел глобальную популярность и породил неисчислимое множество подражаний, экранизаций, продолжений и т. д. Его образ стал фигурой нарицательной, и не случайно.

Дедуктивный метод, благодаря которому Шерлок Холмс проявляет чудеса проницательности, правильнее было бы назвать абдуктивным, если бы сам этот термин не появился только в 1901 году. Развивая аристотелеву традицию, Чарльз Пирс назвал абдукцией операцию по восстановлению недостающих звеньев в цепи логических рассуждений. Если какой-то факт кажется нам удивительным и загадочным, значит, мы стоим на неправильной точке зрения. Следует придумать гипотезу, внутри которой данный факт выглядит естественно и логично – и это приблизит нас к истине.

> Схема из книги Альфреда Барра (Barr A. (1936) Cubism and Abstract Art. New York: Museum of Modern Art). Первая половина двадцатого века – период, когда систематизация и упорядочивание казались универсальным приемом мышления / A diagram from Alfred Barr's book (Barr, A. (1936). Cubism and Abstract Art. New York: Museum of Modern Art). The first half of the 20th century was a period when systematization and ordering seemed to be a universal technique of thinking

The date of the semantic end of the 20th century is also indistinct. There is an opinion that we are still living in the second millennium with its problems and philosophy. The third millennium only hints at its approaching. From this point of view, the basic events defining the present day happened in the middle of the 20th century. It was in the 1950-1970s when a number of drastic changes in the majority of people's worldview happened and, definitely, influenced the architectural theory and practice.

1. From conceptualism to adhocism

One of the most outstanding and iconic characters born in literature of the early 20th century was Sherlock Holmes. The great detective was not only popular worldwide but also evoked a lot of imitations, film versions, sequels etc. His name became generic, and it had a reason behind it.

Sherlock Holmes demonstrated a wonderful shrewdness thanks to his deductive method. It would have been more accurate to call it abductive if this term had not appeared in 1901. While developing Aristotle's tradition, Charles Peirce used the term "abduction" for finding the missing links in the chain of logical

reasoning. If something seems strange or mysterious, our point of view is wrong. We should think of a hypothesis where the given fact looks natural and logical in order to come closer to the truth.

Peirce's ideas became the basis of the modern mathematical logic and the theory of artificial intelligence. Fifty-six stories and four novels about Sherlock Holmes became world-famous as the apology of order defining our reality. What is logical is true, and every deviation from the rational state of things is either somebody's malicious intent or our misperception.

The belief in an absolute nature of cause-and-effect relationships regulating the reality inevitably impacted the development of architecture.

The first decades of the 20th century were the time of concept searching and discovering, the time of manifestos. There were a lot of Declarations of Intentions, where the young generation criticized the existing theory and practice of architecture and declared their intention to search for a new order.

Of course, the young people's manifestos did not emerge in a vacuum. Hardly had the 20th century come to its official end

Architecturosofpy

Adventures of Architectural Concepts in the Twentieth Century

Работы Пирса заложили основы современной математической логики и теории искусственного интеллекта. Пятьдесят шесть рассказов и четыре повести о Шерлоке Холмсе приобрели всемирное звучание как апология порядка, лежащего в основе нашей реальности. Истинно то, что логично, и всякое отклонение от разумного уклада вещей есть либо чей-то злой умысел, либо ошибка нашего восприятия.

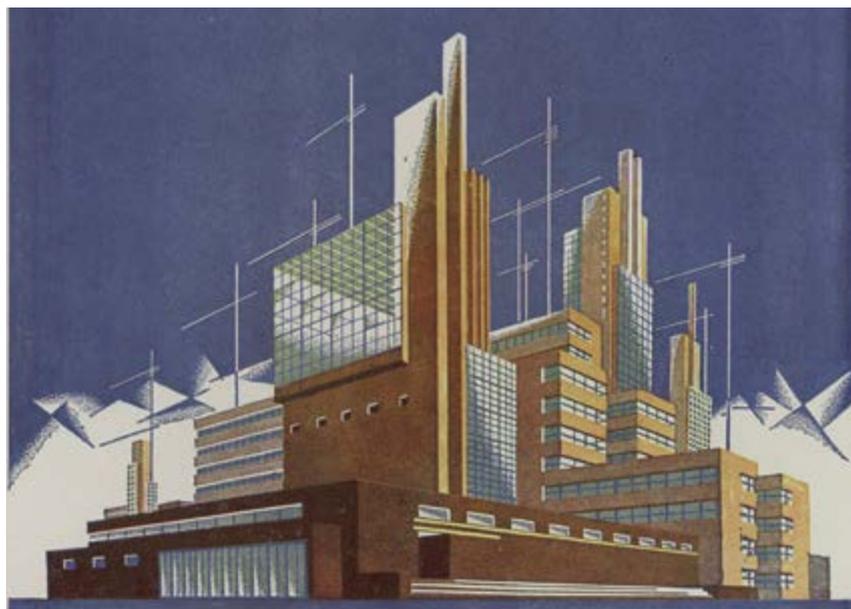
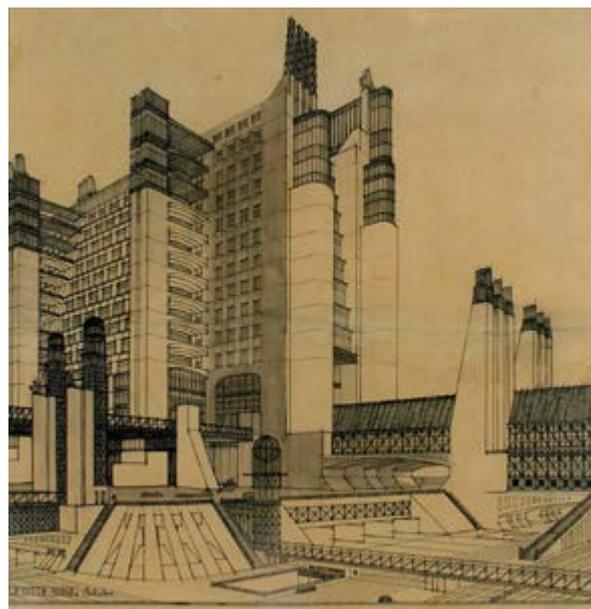
Вера в абсолютный характер причинно-следственных закономерностей, управляющих реальностью, неизбежно сказалась и на развитии архитектуры. Первые десятилетия двадцатого века – время концептуальных поисков и открытий, время манифестов. Появляется множество «деклараций о намерениях», в которых молодое поколение выражает свои принципиальные претензии к сложившейся теории и практике архитектуры и объявляет о своих поисках нового порядка.

Разумеется, манифесты молодых появлялись не в вакууме. Не успел еще девятнадцатый век официально

закончиться, как уже подвергся жесткой критике старших, авторитетных и уважаемых мастеров. Хенрик Петрус Берлаге писал в 1905 году: «Девятнадцатый век был веком безобразия; наши родители, наши бабушка и дедушка, и мы сами жили и все еще живем в окружении более безобразном, чем когда-либо прежде. Я повторяю: смотрите на все неэмоциональными глазами, и если вы сравните то, что у нас есть сегодня, с тем, что было в прежние времена, вы убедитесь, что ни один из предметов, используемых нашими родителями и нами сегодня, нельзя назвать красивым, тогда как те, которые все еще выглядят привлекательными, как правило, происходят из более раннего века» [2].

Манифесты итальянских футуристов выдержаны в поэтическом и пламенно-революционном духе. Воззвание Маринетти 1908 года наполнено латинской экспрессией: «Мы будем воспевать огромные толпы, возбужденные работой, удовольствием и бунтом; мы будем воспевать многоцветные, многозвучные приливы

и Футуристическая архитектурная графика Антонио Сант Элиа. Несмотря на поэтический порыв, владевший футуристами, порядок, симметрия и равновесие преобладают даже в самых смелых фантазиях / Futuristic architectural graphics by Antonio Sant'Elia. Despite futurists' poetic inclination, the order, symmetry and balance prevail even in their wildest dreams

when it was harshly criticized by the highly respected elder masters. Hendrik Petrus Berlage wrote in 1905: "The nineteenth century was the century of ugliness; our parents, our grandparents, and we ourselves have lived and are still living in surroundings more ugly than any before. I repeat: Look at everything with unemotional eyes, and when you have compared what we have today with what was there in earlier times, you will become convinced that not one of the objects used by our parents and ourselves today can be called beautiful, whereas those that still look attractive tend to come from an earlier century" (Berlage, 1996).

Manifestos of Italian futurists were written in a poetic and passionately revolutionary tone. Marinetti's appeal dated 1908 was filled with Latin expressiveness: "We will sing of great crowds excited by work, by pleasure, and by riot; we will sing of the multicolored, polyphonic tides of revolution in the modern capitals; we will sing of the vibrant nightly fervor of arsenals and shipyards blazing with violent electric moons; greedy railway stations that devour smoke-plumed serpents; factories hung on clouds by the crooked lines of their smoke; bridges that

stride the rivers like giant gymnasts, flashing in the sun with a glitter of knives; adventurous steamers that sniff the horizon; deep-chested locomotives whose wheels paw the tracks like the hooves of enormous steel horses bridled by tubing; and the sleek flight of planes whose propellers chatter in the wind like banners and seem to cheer like an enthusiastic crowd" (Marinetti, 1973). Sant'Elia's manifesto is closer to the famous text written by Adolf Loos (1908/1962), but contains a similar concept of functional, rational and reasonable architecture: "...futurist architecture is the architecture of calculation, of audacious temerity and of simplicity; the architecture of reinforced concrete, of steel, glass, cardboard, textile fiber, and of all those substitutes for wood, stone and brick that enable us to obtain maximum elasticity and lightness" (Il Manifesto dell'Architettura futurista di Sant'Elia e la sua eredità, a cura di M. Giacomelli, E. Godoli, A. Pelosi, atti della giornata di studi, Grosseto, Sala della Camera di Commercio, 2014).

The reasonable and businesslike manifesto of industrial building dated 1910 was written by Walter Gropius, who was only

женные зрители, шумом выражают свое одобрение» [11]. Манифест Сант Элиа по смыслу ближе к знаменитому тексту Адольфа Лооса [10], но и там – сходная концепция функциональной, рассудочной и логичной архитектуры: «... футуристическая архитектура – это архитектура расчета, дерзости и простоты; архитектура бетона, железа, стекла, промышленного волокна и всех заменителей дерева, камня и кирпича, позволяющих достичь максимальной эластичности и легкости» [7].

Рассудочный и деловитый манифест индустриального строительства 1910 года принадлежит Вальтеру Гропиусу, едва перевалившему за двадцатипятилетний возраст. По заданию Питера Беренса вместе с такими же молодыми Шарлем Эдуардом Жаннере (еще не взявшем псевдоним Ле Корбюзье) и Мисом ван дер Роэ он пишет программный текст для Генерального директора крупнейшей компании АЕГ (Всегерманская электрическая компания). Анархии и хаосу индивидуального проектирования, махинациям строительных спекулянтов предлагается противопоставить единообразный архитектурный порядок. Проектирование и строительство из стандартных элементов – вот генеральный путь развития архитектуры и зодчества! Именно в этом ключе следует готовить и следующее поколение архитекторов [6].

Российская мысль прошла сходными путями – от экспрессивных прозрений к позитивным программам. В 1915 году вышла «кричаль» Велимира Хлебникова «Мы и дома. Мы и улицетворцы» [16]. Визионерское камлание поэта, между прочим, содержит предвидение многих открытий архитектуры последующих десятилетий – и жилой мост Захи Хадид, и мобильные квартиры контейнерного типа, и небоскребы Дубая.

Почти одновременно российские конструктивисты пустились на поиски новой выразительности на языке материала, языке металла, стекла и бетона. В. Татлин писал: «В нашем изобразительном деле в 1914 году, (...) были положены в основу "материал, объем и конструкция"».

Выразив недоверие глазу, мы ставим глаз под контроль осязания.

В 1915 году в Москве была выставка материальных лабораторных образцов (выставка рельефов и контррельефов).

^ Архитектурные фантазии эпохи постмодернизма. Графика Захи Хадид и Альдо Росси / Architectural fancy ideas of the age of postmodernism. Graphics by Zaha Hadid and Aldo Rossi

революции в современных столицах; мы будем воспевать дрожь и ночной жар арсеналов и верфей, освещенных электрическими лунами; жадные железнодорожные вокзалы, поглощающие змей, разодетых в перья из дыма; фабрики, подвешенные к облакам кривыми струями дыма; мосты, подобно гигантским гимнастам, оседлавшие реки и сверкающие на солнце блеском ножей; пытливые пароходы, пытающиеся проникнуть за горизонт; неутомимые паровозы, чьи колеса стучат по рельсам, словно подковы огромных стальных лошадей, обузданных трубами; и стройное звено самолетов, чьи пропеллеры, словно транспаранты, шелестят на ветру и, как востор-

in his mid-20s. On the instruction of Peter Behrens, together with Charles-Édouard Jeanneret (later he took the name Le Corbusier) and Mies van der Rohe, who were also very young, he wrote a program text for the director general of the big company AEG (General Electricity Company). The manifesto opposed a uniform architectural order to anarchy and chaos of individual design and machinations of building profiteers. Usage of standard elements in design and building was defined as a basic path of architectural development. This idea was proposed for training the next generation of architects (Gropius, 1964).

The Russian thought developed similarly, from expressive insights to positive programs. In 1915 the "cry" "Ourselves and Our Buildings. Creators of Streetsteads" by Velimir Khlebnikov came out (Khlebnikov, 2005). The poet's visionary meditation foresees many discoveries in architecture for the decades ahead, such as the inhabited bridge by Zaha Hadid, mobile container apartments and Dubai's skyscrapers.

Almost at the same time, Russian constructivists started their search for a new expressiveness in the language of metal, glass

and concrete. V. Tatlin wrote: "In our art in 1914, ... material, volume and construction were made its basis".

Having expressed incredulity to the vision, we bring vision under control of tactile sensation.

In 1915 an exhibition of material laboratory samples (an exhibition of reliefs and concave reliefs) was held in Moscow.

The exhibition of 1917 presented many examples of material selection of more complex studies of material itself and of its effect, such as movement, tension and interrelations.

Those studies of material, volume and construction made it possible in 1918 to start creating art forms and to select steel and glass as materials of contemporary classicism equal in its strictness to marble in the past (Tatlin, Shapiro, Myerson, & Vinogradov, 1975).

By the early 1920s, the conceptual searches of European architects obtained permanent media: the French-language *L'Esprit Nouveau* with the leading author Le Corbusier, the Russian-language *Sovremennaya Arkhitektura (SA)* edited by A. Vesnin and M. Ginsburg, Bauhaus editions published in German, and the essentially international *De Stijl*. The key figures of that movement

v Сопоставление виллы Штейн де Монзи Ле Корбюзье (1926–27 годы) и виллы Ла Малконтента (Фоскари) Андреа Палладио (1558–1560) из статьи Колина Роу «Математика идеальной виллы» (Rowe C. (1947) *The Mathematics of the Ideal Villa* and other essays. MIT Press). / Comparison of Villa Stein-de-Monzie by Le Corbusier (1926-1927) and Villa La Malcontenta (Foscari) by Andrea Palladio (1558-1560) from the article "The Mathematics of the Ideal Villa" by Colin Rowe (Rowe, C. (1947). *The Mathematics of the Ideal Villa* and other essays. MIT Press)

Выставка в 1917 году дала ряд примеров материального подбора более сложных исследований и выявлений как материала самого по себе, так и его следствия – движения, напряженности и их взаимоотношений.

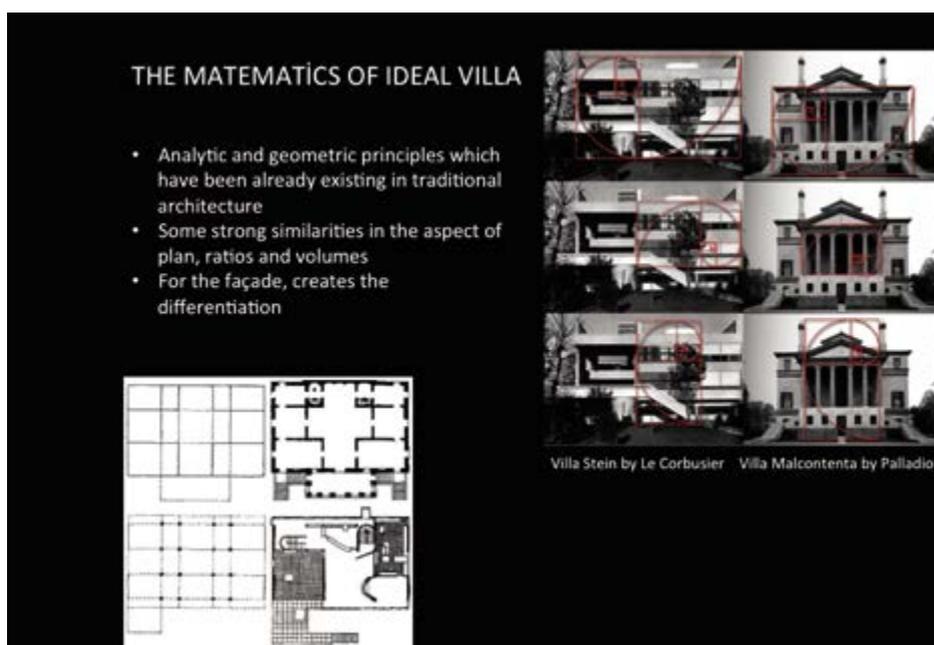
Это исследование материала, объема и конструкции дало нам возможность в 1918 году приступить к созданию художественной формы, подбора материалов железа и стекла как материалов современного классицизма, равносильных в прошлом по своей строгости – мрамору [15].

К началу двадцатых годов концептуальные поиски европейских архитекторов обрели постоянные площадки для обсуждения – франкоязычный «*L'Esprit Nouveau*», в котором лидирует Ле Корбюзье, русскоязычный «*Современная архитектура (СА)*» под редакцией А. Веснина и М. Гинзбурга, издания Баухауса на немецком и принципиально международный «*De Stijl*». Ключевые фигуры этого движения – фигуры синтетические, это теоретики и идеологи, которые сами же воплощают свои концепции в практику реального проектирования.

Казалось, еще немного – и новая архитектура возглавит строительство всемирного общества разума, логики и порядка. Но тут концепция повернулась совсем другой стороной.

Начало тридцатых годов ознаменовалось крутым переломом. Победное шествие тоталитарных режимов по всей Европе лишило архитектуру прав на самостоятельное развитие. Повсюду политики грубо и властно вмешивались в логику реализации концепций модернизма. Неоклассицизм оказался более созвучным новому порядку, ордерная система выглядела более упорядоченной, чем кубики из простых геометрических тел.

Второе тридцатилетие двадцатого века – время потерь. Часть новаторов погибла, некоторые были скомпрометированы сотрудничеством с фашизмом. Лишь небольшая часть лидеров героического периода модернизма спаслись, чтобы сместить центр мировой архитектуры за океан. Реформаторский энтузиазм Гропиуса, Ле Корбюзье и Миса ван дер Роэ выдержал и перенос из теории в практику, и мировые войны, и мировую известность. К шестидесятым годам труды Баухауса и Веркбунда, статьи и книги Ле Корбюзье, афоризмы Миса ван дер Роэ уже воспринимались вполне затвердевшей классикой.

И, в свою очередь, вполне созрели для острой критики со стороны нового поколения архитекторов.

Британские необруталисты обвиняли «модернистов первого поколения» в том же самом, в чем те – архитекторов эпохи ар-нуво и югендштиля. Приглаженность, бесконфликтность, буржуазность «международного стиля» не устраивала «рассерженных молодых людей» поколения шестидесятников [1]. Очевидная преемственность приемов, которые необруталисты черпали у предшественников, ничуть не снижала накал идеологической борьбы. Впрочем, точно так же иконоборческий пафос Гропиуса и Ле Корбюзье отлично уживался с прямыми заимствованиями из неоклассицизма или даже позднего Ренессанса.

Шестидесятые годы открылись «Теорией и замыслом в эпоху первых машин» Райнера Бенэма (1960), книгой, которая до сих пор в полной мере воспринимается

were intermedia theorists and ideologists who put their concepts into the real design practice.

It looked like soon the new architecture would take over the leadership of building the world society of reason, logic and order. But the concept suddenly changed.

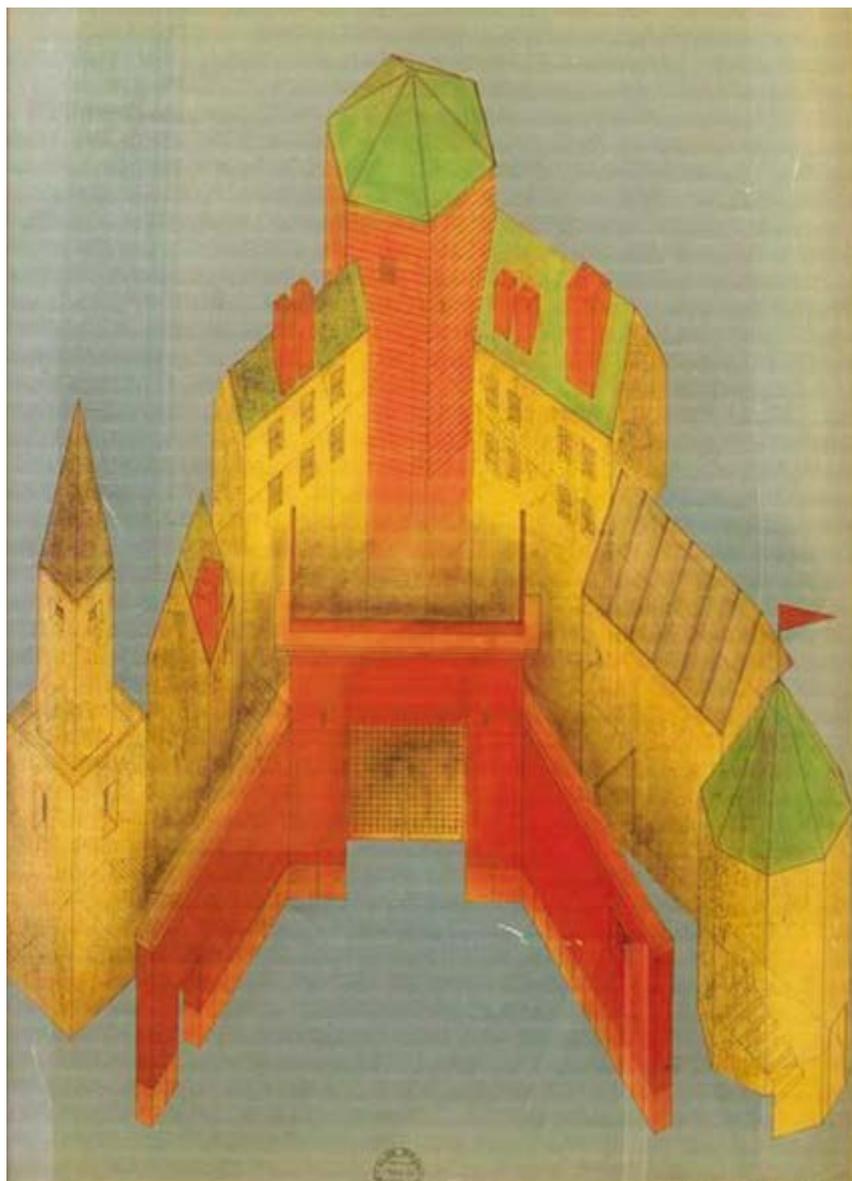
The early 1930s witnessed a drastic change. The totalitarian regimes marching victoriously across Europe deprived architecture of the rights to develop independently. Politicians bluntly interfered in the logic of realization of modernists' concepts. Neoclassicism was more consistent with the new order. The system of orders looked more structured than the cubes of simple geometrical volumes.

The second three decades of the 20th century were the time of losses. Some of innovators died, the others were compromised due to their collaboration with fascism. Only a small number of the leaders of the heroic period of modernism survived to move the center of world architecture over the ocean. The reformatory enthusiasm of Gropius, Le Corbusier and Mies van der Rohe also got through the transfer from theory to practice, world wars and

international fame. By the 1960s the works of the Bauhaus and the Werkbund, articles and books by Le Corbusier and aphorisms of Mies van der Rohe were already considered solid classics. In their turn, they were quite ready to be criticized by the new generation of architects.

British neobrutalists accused the "first generation modernists" of the same thing as the latter accused Art Nouveau and Jugendstil architects. Smoothness, conformity, bourgeoisness of the "international style" did not suit the "angry young people" of the sixties (Banham, 1966). The obvious succession of techniques taken by neobrutalists from their predecessors did not at all decrease the intensity of the ideological fight. However, the iconoclastic pathos of Gropius and Le Corbusier got on very well with direct borrowings from Neoclassicism and even the late Renaissance.

The sixties started with "Theory and Design in the First Machine Age" by Reyner Banham (1960), which has been considered as a basis of the general theory of the Modernism movement until now. But this book became a summary of the progressive

как основа универсальной фабулы движения модернизма. Получилось, однако, что эта книга стала подведением итогов поступательного развития модернизма. Его концептуальная основа и вера в мировой порядок, в чистый стиль и красоту ничем не прикрытого материала исчерпала себя. В дальнейших теоретических разработках разрушение явно преобладает над созиданием.

Трещины в мифе модернизма начали проявляться в «Смерти и жизни великих американских городов» (1961) Джейн Джейкобс. Книга американской журналистки – это страстный призыв против бюрократии централизованного планирования и за возврат архитектуры к защите интересов общества. Книга «Сложности и противоречия в архитектуре» Роберта Вентури (1966) нападает на пуристский формальный язык высокого модернизма. Эстетике «голой стены» от Берлаге и максиме «Меньше – значит больше» (Less is More) Миса ван дер Роэ противопоставляется всеядная цитатность и ироничное «Меньше – значит скучно» (Less is a Bore). Создатели и мастера модернизма один за другим уходят из жизни: Ф. Л. Райт умер в 1959 г., Ле Корбюзье – в 1965 г., В. Гропиус и Л. Мис ван дер Роэ умерли в 1969 г., Р. Нейтра – в 1970 г.

Прощание с дедуктивным (абдуктивным) миром состоялось с выходом книги Чарльза Дженкса «Адхоцизм» (1972). Стоит помнить, что Дженкс учился на доктора философии у Рейнера Бенэма в конце шестидесятых, и очень похоже, что эта книга была написана, чтобы отделить себя от своего учителя и его позитивного отношения к использованию новейших технологий в современной архитектуре. «Адхоцизм» – это манифест случайности, нелогичности, одноразовости. Постмодернизм по Дженксу предстает идеологией неограниченной эклектики и разрушения любого порядка. Под этим знаком и заканчивается (или, может быть, продолжается) двадцатый век.

2. От креатива к играм

Профессор Марк Блауг (1927–2011) был выдающимся британским экономистом и историком экономики голландского происхождения. Больше всего Блауг известен своими работами по истории экономической мысли

development of Modernism. Its conceptual basis and belief in the world order and beauty of pure materials exhausted itself. In further theoretical works, destruction prevails over construction.

The myth of Modernism started to crack in Jane Jacobs' "The Death and Life of the Great American Cities" (1961). The American journalist passionately appealed against bureaucracy of centralized planning and for a return of architecture to protection of the public interest. The book "Complexity and Contradictions in Architecture" by Robert Venturi (1966) attacks the puristic formal language of high modernism. Berlage's aesthetics of "bare walls" and Mies van der Rohe's "Less is More" maxim are opposed by omnivorous citing and the ironic "Less is a Bore". The creators and the masters of Modernism pass away one by one: F. L. Wright died in 1959, Le Corbusier in 1965, W. Gropius and Mies van der Rohe in 1969, and R. Neutra in 1970.

Parting with the deductive (abductive) world was at the time when Charles Jencks's "Adhocism" (1972) came out. It should be noted that Jencks received his PhD, studying under Reyner Banham in the late 1960s. It seems that he wrote the book to separate himself from his teacher and his positive attitude to-

wards using new technologies in the contemporary architecture. "Adhocism" is a manifesto of occasionality, irrationality and one-time usage. According to Jencks, Postmodernism is an ideology of unlimited eclecticism and destruction of any order. This marks the end (or, perhaps, the continuation) of the 20th century.

2. From creativeness to playing

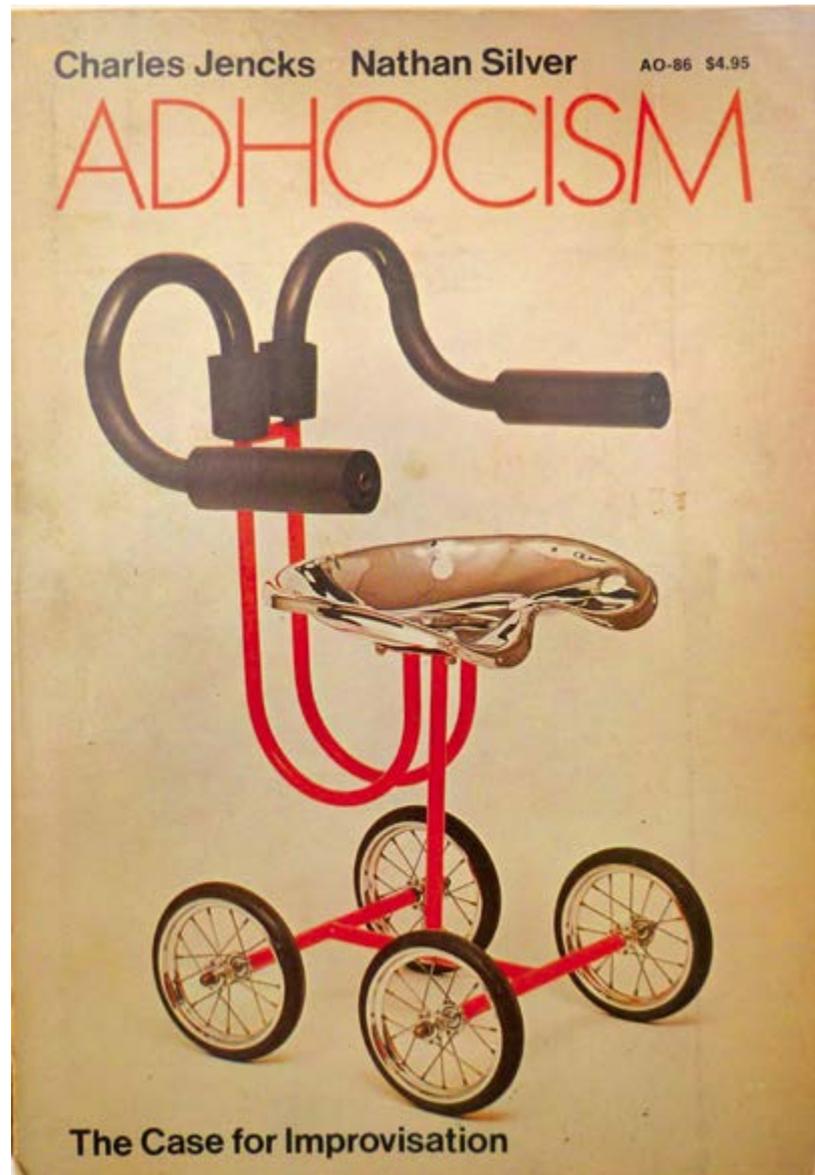
Professor Mark Blaug (1927-2011) was a prominent Dutch-born British economist and historian of economics. Blaug is most famous for his works in history of economic thought and the methodology of economics. In 1997 Blaug wrote an article "Ugly Currents in Modern Economics", where he strictly criticized the mathematical turn and the "disease of formalism in modern economics". "Modern economics is sick, the respected Professor wrote, "Economics has increasingly become an intellectual game played for its own sake and not for its practical consequences; economists have gradually converted the subject into a sort of Social Mathematics in which analytical rigour as understood in math departments is everything and empirical relevance (as understood in physics departments) is nothing. If a topic cannot

в Обложка книги
Ч. Дженкса «Адхоцизм» /
The cover of Ch. Jencks's
"Adhocism"

и методологии экономики. В 1997 году Блауг написал статью «Уродливые течения в современной экономике», в которой он жестко и метко критиковал математический поворот и «болезнь формализма в современной экономике». «Современная экономика больна – пишет уважаемый профессор. – Экономика все больше становится интеллектуальной игрой, в которую играют ради нее, а не ради ее практических последствий, экономисты постепенно превратили предмет в своего рода социальную математику, в которой аналитическая строгость, понимаемая на математических факультетах, – это все, а эмпирическая значимость (понижаемая на физических факультетах) – ничто. Если тема не может быть решена с помощью формального моделирования, она просто отправляется в интеллектуальный преступный мир... Экономике осудили столетие назад как мрачную науку, но вчерашняя мрачная наука была намного менее мрачной, чем усыпляющая схоластика сегодня» [3].

Состояние экономической теории отражает тенденции мирового рынка. Сто лет назад, в 1918 году, журнал «Форбс» впервые опубликовал список самых богатых людей США. Во главе списка стоял единственный миллиардер – Джон Рокфеллер, нефтяной магнат и знаменитый благотворитель. И дальше в списке – короли стальные, нефтяные, табачные, железнодорожные, угольные... В первую десятку сверхбогатых входил, например, Генри Форд, обладатель 161 технического патента, родоначальник эры массовой автомобилизации.

В последний год XX века список сверхбогатей был опубликован в очередной раз. Миллиардеров оказалось 470 человек. Из них более трети составляют представители финансового бизнеса, иначе говоря, биржевые игроки, трейдеры, инвесторы. Люди, которые не приносят в этот мир ничего нового, а приобретают свои состояния за счет перераспределения денежных потоков. Собственно говоря, любая деятельность, смысл которой заключается в ней самой, деятельность, не приносящая новых благ, а только перераспределяющая их – такая деятельность и называется игрой. В области игр с деньгами и их производными сегодня вращаются гигантские ресурсы – больше, чем в реальных секторах крупнейших экономик мира. Делание денег становится основным

be tackled by formal modeling, it is simply consigned to the intellectual underworld... Economics was condemned a century ago as the "dismal science" but the dismal science of yesterday was a lot less dismal than the soporific scholasticism of today" (Blaug, 1997).

The condition of the economic theory reflects the tendencies of the world market. One hundred years ago, in 1918, Forbes magazine published the first list of the richest people in the USA. The top of the list was occupied by the only billionaire, John Rockefeller, oil magnate and famous benefactor. Then followed the kings of steel, oil, tobacco, railway, coal... For example, Henry Ford, the owner of 161 technical patents and the father of mass automobilization, was in the top ten.

In the last year of the 20th century, the list of the richest included already 470 billionaires. More than one third of the list consisted of representatives of financial business, that is stock gamblers, traders, investors. Such people do not bring anything new to the world, but gain their wealth by redistributing money flows. In fact, any activity focused on itself, which does not give any new benefits but only redistributes them, is called a game.

The immense resources now circulating in the field of games related to money and their derivatives are more than in any real field of the world's largest economies. Making money becomes a basic activity of the inhabitants of the "gold billion" countries, leaving all other industries to the third world countries.

The interest toward games has been growing throughout the 20th century, but it took some time to get interpreted theoretically. In 1938 Johan Huizinga published his work made in an overloaded medieval style. The main thesis of his work devoted to playing as an activity that generates culture actually takes playing as a basis of the whole complex of humanities. In 1944 John von Neumann and Oskar Morgenstern published their classical book "The Theory of Games and Economic Behaviour". They used a strict mathematical language to explain a broader idea that any interaction between people or communities is a game. Several years later, von Neumann's follower, John Forbes Nash significantly extended the notion of games and the mathematical tools for their description. Starting from the 1950s, game theory has been used in economics, political science, sociology, psychology, biology...

^ Иеронимус Босх «Фокусник». Со времен позднего Возрождения жульнические игры с деньгами сильно усовершенствовались / Hieronymus Bosch. The Conjuror. From the times of the late Renaissance, tricky gambling has been greatly modified

занятием жителей стран «золотого миллиарда», оставляя все прочие производства на долю третьего мира.

Интерес к играм нарастал на протяжении всего двадцатого века, но теоретическому осмыслению начал подвергаться не сразу. В 1938 году вышел в свет трактат Йохана Хейзинги, сделанный в тяжеловесном средневековом стиле. Основной тезис трактата об игре как деятельности, порождающей культуру, фактически поставил игру в основу всего комплекса гуманитарных наук. В 1944 году вышла классическая книга Джона фон Неймана и Оскара Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение». Строгим языком высшей математики в книге излагалась еще более широкая мысль о том, что любое взаимодействие людей или сообществ по сути

своей есть игра. Через несколько лет ученик фон Неймана Джон Форбс Нэш значительно расширяет понятие игр и математический аппарат для их описания. Начиная с пятидесятих годов, теория игр используется в экономике, политологии, социологии, психологии, биологии...

В шестидесятых годах представления об основополагающем характере игры распространяются все шире. В 1967 году выходит книга Жака Деррида «О грамматологии» [4]. Ссылаясь на труды Фердинанда Соссюра (в главе с очаровательным названием «Наружа есть нутрь»), Деррида объявляет язык и, следовательно, мышление разновидностью игры. Его метод анализа текстов (деконструкция) больше всего действительно напоминает игру ребенка, который разбирает механизм на отдельные колесики в попытке понять, чем будильник тикает.

Через десять лет Рэм Колхаас выпускает книгу «Нью-Йорк вне себя» [9]. Термин «деконструкция», как и имя Жака Деррида, в книге не упоминаются. Но метод, которым Колхаас анализирует прошлое и настоящее Манхэттена, однозначно совпадает с деконструктивизмом французского философа. Общепринятые стереотипы и клише, которыми Нью-Йорк обильно оброс, играючи разбираются на части и сталкиваются между собой. Город сравнивается то с театром, где играется бесконечное шоу, то – напрямую – с кинозвездой, выдумывающей собственную биографию.

В 1988 году нью-йоркский Музей современного искусства МоМА проводит выставку проектов «Архитектура деконструктивизма». Кураторы выставки Филипп Джонсон и Марк Вигли пишут манифест архитектурного деконструктивизма [8]. В нем новое явление в архитектуре выводится из наследия русского конструктивизма. Приводятся редкие архивные фотографии работ Малевича, Татлина, Лисицкого, Родченко, братьев Весниных. И в этой попытке опереться на авторитет легендарного авангарда особенно заметна разница между пафосом социального мироустройства конструктивистов и безудержной динамикой деконструктивистов. В проектах семерых экспонентов нет иронического цитатничества, вычурной орнаментальности и нарочитого противопоставления модернизму, которым так увлекается постмодернизм. Тем не менее, проекты однозначно демонстрируют: де-

In the 1960s the ideas of fundamental nature of the game spread wider. In 1967 Jacques Derrida's "De la grammatologie" (Derrida, 1967) came out. Referring to Ferdinand de Saussure's works (in the chapter nicely named "Outside is Inside"), Derrida states that the language and, consequently, thinking are a sort of game. Indeed, his method of text analysis (deconstruction) looks like a game played by a child who takes an alarm clock mechanism into pieces to find out how it ticks.

Ten years later Rem Koolhaas published his "Delirious New York" (Koolhaas, 1978). The term 'deconstruction' and the name of Jacques Derrida are not mentioned in the book. But the method used by Koolhaas to analyze the past and the present of Manhattan definitely agrees with deconstructivism of the French philosopher. The generally accepted stereotypes and clichés thickly covering New York are playfully taken into pieces and collide. The city is either compared with a theatre performing an endless show, or directly compared with a movie star who concocts their biography.

In 1988 the Museum of Modern Art (MoMA) in New York held an exhibition of projects "The Architecture of Deconstructivism".

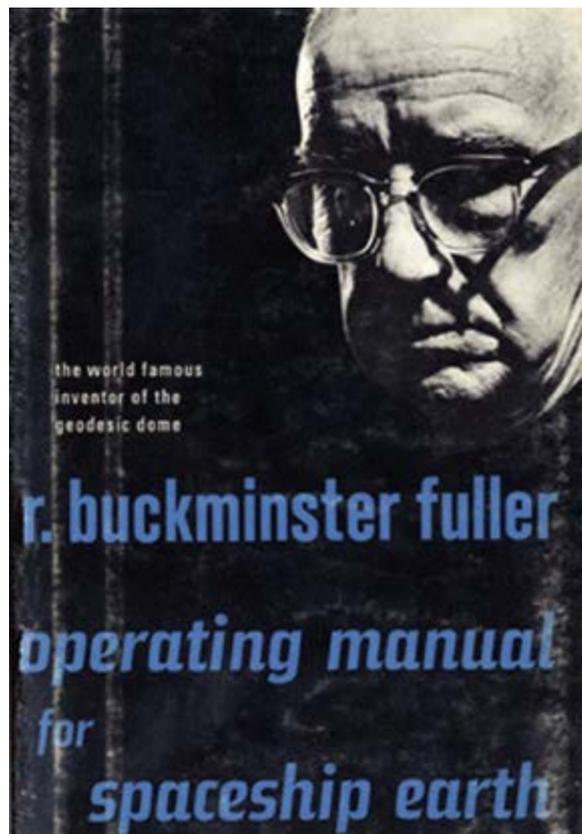
The curators of the exhibition, Philip Johnson and Mark Wigley wrote a manifesto of architectural deconstructivism (Johnson, & Wigley, 1988). It states that the new architectural movement derives from the heritage of the Russian constructivism. It presents rare archival photos of the works by Malevich, Tatlin, Lissitzky, Rodchenko and the Vesnins brothers. This attempt to draw upon the authority of the legendary avant-garde demonstrates the difference between the constructivists' pathos of the social world order and the deconstructivists' unrestrained dynamics. The projects of the seven authors have neither ironic quotation mongering, nor exaggerative decoration, nor deliberate opposition to modernism so often shown by postmodernism. The projects, however, definitely prove that deconstructivism is a game in its childishly pure, serious and devoted form. Even the cruelty in deconstructivists' treatment of classical heritage differs from dadaists' acrimonious mockery. Deconstructivism treats the city historic fabric as Mark Twain's hero cracking nuts with the Great Seal. It is also a bright example of how Homo Ludens (a playing human) turns into Homo Lasciva (a playful human).

конструктивизм – это игра в ее детски чистом, серьезном и самозабвенном виде. И даже жестокость, с которой деконструктивизм обращается с классическим наследием, отличается от желчной издевки дадаистов. Деконструкция по-прежнему с исторической тканью города так же, как герой Марка Твена, колотивший орехи Большой государственной печатью. И здесь – самый яркий пример превращения Homo Ludens, «человека играющего», в Homo Lasciva, «человека заигравшегося».

3. Возвращение холизма

В 1901 году Яну Христиану Смэтсу исполнилось тридцать. Он командовал отрядами буров и сражался с англичанами в Трансваале. Во время Первой мировой войны успешно воевал против немцев в Юго-Западной Африке. Был одним из активных создателей Лиги Наций. Во время Второй мировой войны стал фельдмаршалом британской армии, позже участвовал в создании ООН и занимал пост премьер-министра Южно-Африканского Союза. А в 1926 году вышел его основной философский трактат «Холизм и эволюция» – острая полемика с механистичным методом мировосприятия. Целое не сводится к сумме частей, пишет Смэтс. Мы должны вернуться к текучести и пластичности природы и опыта, чтобы найти действительные понятия. Когда мы сделаем это, мы увидим, что вокруг каждого точного понятия существует некая туманность и неясность. Понятие – это не просто ясный светящийся центр, он охватывает некую сферу, в которой яркость затихает и становится более слабой, пока не исчезает. Эта светящаяся область окружена зоной интуиции и влияния, которая уходит дальше в область непознанного [12].

В те же годы начинает свою активную деятельность еще одна феерическая личность – Ричард Бакминстер Фуллер. В 1927 году банкрот и безработный чудаковитый человек пишет свою первую книгу – «Четырехмерное время». В ней, в частности, предложен новый способ рассмотрения классических проблем механики и введен термин «синергетика». В последующие десятилетия Фуллер с фантастическим упорством и целеустремленностью развивает свои идеи, сражаясь с репутацией безответственного фантазера.

< Обложка книги Бакминстера Фуллера «Руководство по пилотированию космического корабля Земля» / The cover of Buckminster Fuller's "Operating Manual for Spaceship Earth"

Известность приходит к нему в переломные шестидесятые. В 1968 году Стюарт Брэнд основал «Каталог целостной Земли» – некий гибрид рекламного бюллетеня и альманаха, пропагандирующего холистическое мировоззрение [13]. Цели бренда заключались в том, чтобы сделать различные инструменты доступными для рассредоточенных контркультурных сообществ, домашних хозяйств в духе «назад к земле» и новаторов в области технологий, дизайна и архитектуры, а также создать место для встреч сообщества в печати. Каталог быстро превратился в обширный справочник по новым жилым

3. Return of holism

In 1901 Jan Christiaan Smuts was 30. He led a Boer Commando and fought against the British in Transvaal. During the First World War he successfully fought against Germany in South-West Africa. He was one of the active founders of the League of Nations. During the World War II he was appointed a field marshal of the British Army. Then he participated in the establishment of the United Nations Organization and was appointed Prime Minister of the Union of South Africa. In 1926 he published his main philosophical work "Holism and Evolution", bitter polemics with mechanistic method of world perception. Smuts believes that the whole is greater than the sum of its parts. "We have to return to the fluidity and plasticity of nature and experience in order to find the concepts of reality. When we do this we find that round every luminous point in experience there is a gradual shading off into haziness and obscurity. A "concept" is not merely its clear luminous center, but embraces a surrounding sphere of meaning or influence of smaller or larger dimensions, in which the luminosity tails off and grows fainter until it disappears. Similarly a "thing" is not merely that which presents itself as such in clear-

пространствам, устойчивому «зеленому» дизайну, экспериментальным медиа и общественным практикам. После всего лишь нескольких лет публикации издание стало популярным и влиятельным культурным явлением.

Бакминстер Фуллер активно сотрудничает с Каталогом. Его дерзкие идеи геодезических куполов, летающих городов, трехколесных электромобилей находят отклик во все более широких слоях интеллектуальной молодежи. Книга «Руководство по управлению космическим кораблем Земля» [5] становится манифестом «зеленой» идеологии и призывом к социально-экологической ответственности человечества. Одновременно развиваются идеи о гуманных путях развития техники, о сотрудничестве природы, человека и машины. Широкий спектр архитектурных течений берет начало в этих идеях – от «хай-тека» Ричарда Роджерса, Ренцо Пьяно и Нормана Фостера до японских метаболистов и Петера Цумтора.

В 1983, в год своей смерти, Фуллер выпустил книгу с названием, не поддающимся точному переводу: «Grunch of Giants». Чаще всего это выражение переводится как «Усмешка гигантов», но русский эквивалент не передает тот оттенок пакостного злорадства, который содержится в словечке Grunch. На Земле достаточно ресурсов и технологических возможностей, пишет Фуллер, чтобы обеспечить достойный уровень жизни для всех людей без исключения. Неравенство, бедность, голод и бездомность – следствия уродливых и устаревших социальных отношений. Одна лишь корявая техносциальная парадигма заставляет людей выискивать противостоящие сущности – природу и технику, богатых и бедных, Запад и Восток – и тратить огромные ресурсы на эти ненужные противостояния.

Как и многие другие идеи второй половины XX века, холистическая парадигма продолжает восприниматься новаторски и в нынешнем, вроде бы уже следующем веке. Ложное противостояние природного и технического начал должно быть снято в архитектуре, которая получила название бионической. В проектах Алехандро Аравены и прочих примерах строительного краудфандинга снимается противостояние девелоперского бизнеса и интересов небогатого жителя. Мощное встречное движение западных и восточных традиций зодчества

est definite outline, but this central area is surrounded by a zone of intuitions and influences which shades off into the region of the indefinite" (Smuts, 1926).

Simultaneously, one more legendary figure, Richard Buckminster Fuller started his activity. Being unemployed and bankrupt in 1927, he wrote his first book, "4d Timelock". He proposed a new way of consideration of classical mechanics problems and introduced the term "synergetics". The following decades Fuller developed his ideas with great tenacity, struggling against his reputation of being an irresponsible day-dreamer.

He became famous in the pivotal sixties. In 1968 Stewart Brand established "Whole Earth Catalog", which contained both an advertizing bulletin and an almanac promoting holism (Whole Earth Catalog, 1968). The goals of the brand were to provide access to different tools for dispersed countercultural communities, "back to the land" households and innovators in technology, design and architecture, as well as to provide in the press a meeting ground for the community. Soon the catalog became a comprehensive guide to new residential spaces, sustainable and "green" design and experimental media and public practices.

все еще не оформилось в качестве внятной идеологии и не получило собственного наименования. Двадцатый век продолжается.

Литература

1. Banham R. The New Brutalism: Ethic or Aesthetic? – London: Architectural Press, 1966
2. Berlage H. P.: Thoughts on Style, 1886–1909. – Getty Center for the History of Art and the Humanities, 1996. – P. 124
3. Blaug M. Ugly Currents in Modern Economics, Options Politiques // 1997 (Septembre). – Pp. 3–8
4. Derrida J. De la grammatologie. – Paris: Les Éditions de Minuit, 1967
5. Fuller R. B. Operating manual for spaceship earth. – Carbondale: Southern Illinois University Press, 1969
6. Gropius W. Program for the foundation of a general home-building society on an artistically uniform basis // Architectural Record Magazine. – 1964. – June, Issue 6 (Vol. 135, No 7). – Pp. 131–136
7. Il Manifesto dell'Architettura futurista di Sant'Elia e la sua eredità, a cura di M. Giacomelli, E. Godoli, A. Pelosi, atti della giornata di studi, Grosseto, Sala della Camera di Commercio. – Universitas Studiorum: Mantova. – 2014. – 18 luglio./Пер. А. Вяземцевой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://archi.ru/lib/e_publication.html?id=1850569773
8. Johnson P., Wigley M. Deconstructivist architecture. New York: The Museum of Modern Art, 1988
9. Koolhaas R. Delirious New York. Retroactive Manifesto for Manhattan. – Oxford University Press, 1978
10. Loos A. Sämtliche Schriften in zwei Bänden – Erster Band, herausgegeben von Franz Glück. – Wien, München: Herold, 1908 (Repr. 1962). – S. 276–288
11. Marinetti F. Manifesto du Futurisme. // Le Figaro 1909/02/20 (Numéro 51). – Gallica: Bibliothèque nationale de France
12. Smuts J. C. Holism and evolution. – New York: The Macmillan company, 1926. – P. 17
13. Whole Earth Catalog Fall. – Electronic edition. – 1968 – Режим доступа: URL: <http://www.wholeearth.com/issue-electronic-edition.php?iss=1010>

Within just a few years of publication, the catalog became a popular and significant cultural event.

Buckminster Fuller actively cooperated with the catalog. His bold ideas of geodesic domes, flying cities, three-wheeled cars became more and more popular among intelligent young people. His "Operating Manual for Spaceship Earth" (Fuller, 1969) was a manifesto of the "green" ideology and an appeal to social and environmental responsibility of humankind. At the same time, there were ideas of humane options for technological development and of collaboration between nature, humans and machines. Different architectural movements were rooted in such ideas, from Richard Rogers, Renzo Piano and Norman Foster's high tech to Japanese metabolists and Peter Zumthor.

Before his death in the year 1983, Fuller published "Grunch of Giants", which name can hardly be translated adequately into Russian, preserving a shade of malicious joy in the meaning of the word "grunch". Fuller writes that there are enough resources and technological opportunities on Earth to provide a descent standard of living for absolutely everyone. Inequality, poverty, hunger and homelessness come from ugly and obsolete social re-

lationships. A mere clumsy technosocial paradigm forces people to seek for opposing substances: nature and technology, rich and poor, West and East, and to waste great deal of resources on these needless confrontations.

Like many other ideas of the second half of the 20th century, the holistic paradigm is still considered innovative even in the current century. The new architecture called bionic should remove the false confrontation of the natural and the technical principles. Alejandro Aravena's projects and other examples of crowdfunding in the field of construction remove the confrontation of the development business and the interests of not very rich inhabitants. A strong counterflow of western and eastern architectural traditions has not taken shape of a comprehensive ideology and has not got its own name yet. The twentieth century is going on.

14. Wright F. L. The Art and Craft of the Machine. – Brush and Pencil. [Электронный ресурс]: 1901. – May. Vol. 8, No. 2. – Pp. 77–81, 83–85, 87–90. – Режим доступа: URL: <https://www.jstor.org/stable/25505640>

15. Татлин В. Е., Шапиро Т., Меерзон И., Виноградов П. Наша предстоящая работа. VIII съезд Советов. Ежедневный бюллетень съезда. – 1921. – 1 января. – № 13. – С. 11. – Чит. по: Мастера советской архитектуры об архитектуре. – М.: Искусство, 1975. – С. 77

16. Хлебников В. Мы и дома: собр. соч. в 6 тт. Т. 6. Кн. 1. Статьи (наброски). Воззвания. Открытые письма. Выступления. 1904–1922. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – С. 275

References

Banham, R. (1966). *The New Brutalism: Ethic or Aesthetic?* London: Architectural Press.

Berlage, H. P. (1996). *Thoughts on Style, 1886–1909*. Getty Center for the History of Art and the Humanities.

Blaug, M. (1997, Septembre). Ugly Currents in Modern Economics. *Options Politiques*, 3–8.

Derrida, J. (1967). *De la grammatologie*. Paris: Les Éditions de Minuit.

Fuller, R. B. (1969). *Operating manual for spaceship earth*. Carbondale: Southern Illinois University Press.

Gropius, W. (1964, June). Program for the foundation of a general home-building society on an artistically uniform basis. *Architectural Record Magazine*. Issue 6 (Vol. 135, No 7), 131–136.

Il Manifesto dell'Architettura futurista di Sant'Elia e la sua eredità, a cura di M. Giacomelli, E. Godoli, A. Pelosi, atti della giornata di studi, Grosseto, Sala della Camera di Commercio. (2014, luglio18). Mantova: Universitas Studiorum. (A. Vyazemtseva, Trans.). Retrieved from https://archi.ru/lib/e_publication.html?id=1850569773

Johnson, P., & Wigley, M. (1988). *Deconstructivist architecture*. New York: The Museum of Modern Art.

Khlebnikov, V. (2005). *Мы и дома [Ourselves and Our Buildings]*. Collected works in 6 vols. (Vol. 6, Book 1). Stat'i (nabroski). Vozzvaniya. Otkrytye pis'ma. Vystupleniya. 1904–1922 (p. 275). Moscow: IMLI RAN.

Koolhaas, R. (1978). *Delirious New York. Retroactive Manifesto for Manhattan*. Oxford University Press.

Loos, A. (1962). *Sämtliche Schriften in zwei Bänden – Erster Band*, herausgegeben von Franz Glück. Wien, München: Herold. (Original work published 1908).

Marinetti F. T. (1973). *The Founding and Manifesto of Futurism*. In: Apollonio, Umbro (Eds.), *Documents of 20th Century Art: Futurist Manifestos* (p.22). (Brain, Robert, R.W. Flint, J.C. Higgitt, & Caroline Tisdall, Trans.). New York: Viking Press.

Smuts, J. C. (1926). *Holism and evolution*. New York: The Macmillan company.

Tatlin, V. E., Shapiro, T., Myerson, I., & Vinogradov, P. (1975). *Nasha predstoyashchaya rabota [Our future work]*. VIII Congress of Soviets. Weekly bulletin of the Congress, 13, 11. In *Mastera sovetskoi arkhitektury ob arkhitekture* (p. 77). Moscow: Iskusstvo. (Original work published 1921, January 1).

Whole Earth Catalog Fall. (1968). Electronic edition. Retrieved from <http://www.wholeearth.com/issue-electronic-edition.php?iss=1010>

Wright, F. L. (1901, May). *The Art and Craft of the Machine*. *Brush and Pencil*, 8(2), 77–81, 83–85, 87–90. Retrieved from <https://www.jstor.org/stable/25505640>